

Звезды усеяли беспросветную тьму — словно Создатель, разбив ветровое стекло своего автомобиля, не позаботился остановиться и убрать осколки.

Это — пропасть между вселенными, холодные расщелины пространства, где не встретишь ничего, кроме шальной молекулы, заблудших комет и...

...Но кольцо тьмы потихоньку сдвигается, глаз вновь ощущает перспективу, и то, что раньше казалось внушающей благоговейный трепет звездной бездной, превращается в лежащий под покровом тьмы мир, а звезды — в огни того, что с большой натяжкой можно назвать цивилизацией.

Ибо неспешно скользящий куда-то вниз мир есть не что иное, как Диск, ровный, круглый, который плывет сквозь пространство на спинах четырех слонов, что стоят на панцире Великого А'Туина, единственной черепахи, фигурирующей в диаграмме Хертцшпрунга-Рассела, на панцире длиной в десять тысяч миль, запорошенном ледяным крошевом погибших комет и покрытом вмятинами от метеоритов. Никто не знает изначальной причины этого явления — быть может, потому, что причинам этим несть числа.

В мире, покоящемся на спине такой черепахи, может происходить много загадочного и странного.

Собственно, уже происходит.

Звезды внизу — это разведенные на привалах в пустыне костры и огоньки далеких деревень в покрытых лесом горах. Маленькие городки напоминают расплывчатые туманности, города побольше — обширные скопления звезд; огромный, раскинувшийся во все стороны двуединый город Анк-Морпорк сияет ослепительно, подобно столпотворению галактик.

Вдалеке от крупных населенных центров, там, где волны Круглого моря взбегают на берег пустыни, протянулась узкая полоса холодного синего огня. От языков пламени, что с ревом рвутся в небо, веет адской стужей. Призрачные огоньки вспыхивают то тут, то там в пустынных просторах.

В древней долине Джеля вспыхивают среди ночи могучие пирамиды.

Энергия, источаемая их остроконечными, уходящими в космос вершинами, в нижеследующих главах прольет свет на многие чудеса, а в частности: почему черепахи ненавидят философию, почему козам вредно чересчур увлекаться религией и чем на самом деле занимаются наложницы.

Кроме того, этот свет обязательно прояснит, что бы подумали наши предки, доживи они до сегодняшнего дня. Почему-то нас всегда волнуют наши предки. Пришлось бы им по вкусу современное общество? Изумились бы они сегодняшним достижениям? Но во всех этих вопросах отсутствует фундаментальность. «Почему здесь так темно?» — вот о чем в пер-

вую очередь подумали бы наши предки, доживи они до сегодняшнего дня.

Над прохладой речной долины забрезжила заря, и верховный жрец Диос открыл глаза. Многие ночи он провел бодрствуя, даже не мог вспомнить, когда спал в последний раз. Сон был слишком похож на то, иное состояние. Диосу было достаточно просто лежать — по крайней мере, лежать здесь. Яд усталости, подобно всему прочему, утратил свою силу. На какое-то время.

Впрочем, «какое-то время» все длилось и длилось.

Диос спустил ноги с плиты, служившей кроватью в его тесном обиталище. Почти машинально, следуя приказу рассудка, он правой рукой схватил обвитый двумя змеями посох — атрибут верховного жреца. Сделал на стене еще одну зарубку, затем облачился в свои одежды и побрел по коридору, меж тем как слова молитвы, обращенной к Новому Солнцу, сами собой складывались в уме. Ночь была позабыта, впереди его ждал долгий день. Предстояло дать людям немало заботливых советов и наставлений — для Диоса вся жизнь заключалась в служении.

Нельзя сказать, чтобы его спальня была самой необычной на свете. Самым необычным было то, что из нее навстречу заре выходил живой человек.

Солнце тяжело катилось по небосводу.

Люди постоянно ломают головы над тем, как и почему оно движется. Некоторые полагают, что светило катит перед собой огромный навозный жук. Конечно, этому объяснению не хватает технической точности и обоснованности, однако, как в дальней-

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

шем покажут обстоятельства, в качестве гипотезы его принять можно.

Проделав свой путь без особых неприятностей*, светило стало опускаться за горизонт, и один из его гаснущих лучей, проникнув в окно некоего дома в Анк-Морпорке, вспыхнул, отразившись в зеркале.

Зеркало было высокое, в человеческий рост. Все убийцы непременно обзаваются такими, потому что нет более страшного оскорбления для человека, чем убить его, не будучи безукоризненно одетым.

Теппик окинул себя критическим взглядом. За экипировку пришлось выложить все до последнего пенни. Тяжелые складки черного шелка мягко шуршали при каждом движении. Красота!

По крайней мере, голова хоть не так болит, как утром. На протяжении всего дня каждое усилие давалось ему с невероятным трудом, и он боялся, что придется приступать к делу, а пурпурные точки будут все так же мелькать перед глазами.

Теппик со вздохом открыл черную шкатулку и, достав перстни, нанизал их на пальцы. В другом ларце хранился набор ножей с воронеными лезвиями из клатчской стали. Вытаскивая из бархатных мешочков сложные, хитроумные приспособления, Теппик рассовывал их по карманам. В специальные ножны в сапогах он вставил две метательные тлинги с длинными лезвиями. Опоясался поверх кольчуги тонким шелковым шнуром, к которому был привязан абордажный крюк. Духовую трубку на кожаной перевязи

* Таких, как быть закопанным в песок, куда потом откладывают яйца те самые навозные жуки.

он закинул за спину, под плащ, затем сунул в карман изящную латунную коробочку с набором всевозможных дротиков: острые концы прикрыты пробковыми колпачками, на рукоятках выгравированы специальные знаки, чтобы в темноте легко можно было найти нужный дротик.

Нахмурившись, Теппик проверил острие своей папиры и перекинул ремень ножен через правое плечо: с левого свисал ягдташ с пращами и свинцовыми шариками. После некоторого раздумья он выдвинул ящик платяного шкафа и достал оттуда арбалет, фляжку с маслом, связку отмычек и, подумав еще чуть-чуть, добавил к арсеналу стилет, сумку с несколькими мотками колючей проволоки и медный кастет.

Проверил подкладку шляпы: там был спрятан моток провода. Лихо надвинув шляпу на лоб, Теппик последний раз удовлетворенно посмотрел на себя в зеркало и резко повернулся на каблуках.

Лето было в самом разгаре. Впрочем, в разгаре — это еще мягко сказано. В Анк-Морпорке пахло паленым.

Великая река превратилась в ручеек вулканической лавы, разделивший почтенный Анк и лежащий на противоположном берегу Морпорк. В отличие от Анка Морпорк считался местом крайне малопочтенным. Едва ли можно было добавить хоть еще одну ложку в эту бочку дегтя. Даже прямое попадание метеорита пошло бы Морпорку только на пользу.

Большая часть речного русла, высланная засохшей, потрескавшейся грязью, напоминала пчелиные

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

соты. Солнце казалось огромным медным гонгом, намертво приколоченным к небу. Неумолимый жар, иссушивший реку, раскалил город добела — согнул древние стропила зданий и обратил привычную жидкую грязь улиц в летучие вихри охристой пыли.

Анк-Морпорку такая погода совершенно несвойственна. По природе своей это город туманов и морозящих дождей, вечно скользких и простуженных прохожих. Теперь же, раскинувшись посреди выжженной, испепеленной равнины, он походил на одышливую жабу, взгромоздившуюся на раскаленный кирпич. И даже сейчас, когда время близилось к полуночи, удушливый жар не спадал, окутывая улицы горячим бархатным ворсом, сжигая бездыханный воздух.

Издавек, оттуда, где высился северный фасад Гильдии Убийц, донесся легкий щелчок — словно распахнулась оконная рама.

Итак, вот она.

Вот она — та самая ночь.

Если на экзамене попадешь к старику Мерисету, говорили все, шансов у тебя один против ста — можешь сразу делать себе харакири.

В спальнях не стихали слухи о Мерисете — о числе совершенных им убийств, о поразительных технических приемах... В свое время он побил все рекорды. Поговаривали даже, что это он убил патриция Анк-Морпорка. Нет, не нынешнего. Одного из покойных.

По четвергам Мерисет вел у Теппика теорию стратегии и ядов, и отношения ученика и преподавателя, мягко говоря, не сложились.

Но экзаменатором мог оказаться и Найвор — жизнерадостный толстяк, любитель поесть, читавший, тоже по четвергам, искусство расставления ловушек и капканов. По части ловушек Теппик был большой мастер, и с Найвором они ладили. Или это мог быть Грав де Йойо, который преподавал современные языки и музыку. Ни в одном из этих предметов Теппик не блистал, но Грав был тонким педагогом, зодчим человеческих душ и симпатизировал юношам, разделяющим его страсть — часами висеть над городскими улицами, уцепившись одной рукой за карниз.

Теппик перекинул ногу через подоконник, отмотал кусок бечевы с крюком на конце и, зацепившись за водосток двумя этажами выше, скользнул вниз.

Ни один уважающий себя убийца ни за что на свете не воспользуется лифтом.

Дабы рассказ наш не утратил связности, пора упомянуть, что в этот же самый момент величайший математик за всю историю Плоского мира безмятежно возлежал за ужином.

Небезынтересно также отметить, что, благодаря неким особым личностным качествам, математик за ужином ел то, что подавалось к обеду.

Звуки гонгов, разнесшиеся над неуклюжей громадой Анк-Морпорка, возвестили полночь. Теппик карабкался вдоль украшенного резьбой парапета, что на четвертом этаже одного из зданий по Филигранной улице, и сердце его гулко билось в груди.

Неподалеку, в последних отблесках заката, он различил четкие очертания человеческой фигуры. При-

таившись за самой омерзительной на вид горгульей, украшающей водосток, Теппик задумался.

Авторитетные слухи, ходившие по классу, утверждали, что если он устроит погребение экзаменатору до испытания, то экзамен будет зачтен автоматически. Теппик вытащил метательный нож номер три и задумчиво взвесил его на ладони. Разумеется, неудачное покушение, любой неверный ход незамедлительно обернутся провалом и полной утратой привилегий*.

Фигура в отдалении не шевелилась. Взгляд Теппика скользил по бесконечным дымовым и вентиляторным трубам, горгульям на водостоках, висячим мостикам и лестницам, составляющим декорации верхней сцены города.

«Ну конечно, — подумал Теппик. — Наверняка это уловка, манекен. Провокация, чтобы я напал, а значит, Мерисет притаился где-то рядом.

Неужели мне удастся перехитрить его? Маловероятно.

С другой стороны, может, он и рассчитывает на то, что я решу, будто это манекен? Если, конечно, и этот ход им не просчитан...»

Теппик заметил, что произвольно барабанит пальцами по макушке горгульи, и мгновенно внутренне собрался. Какие действия логичнее всего предпринять в данном положении?

Далеко внизу в пятне фонарного света мелькнула какая-то загулявшая компания.

* И прежде всего — привилегии дышать.

Теппик вложил оружие в ножны и выпрямился.

— Сэр, — сказал он, — студент явился для прохождения экзамена.

— Отлично, — довольно невнятно произнес бесстрастный голос.

Теппик устремил взгляд вперед. Смахивая пыль с впалых щек, перед ним возник Мерисет. Вынув изо рта кусок трубы, он отшвырнул его в сторону и достал из-за пазухи небольшую дощечку. Даже в такую жару он был укутан с ног до головы. Мерисет относился к числу людей, способных замерзнуть в кратере вулкана.

— Так-так, — произнес он голосом, в котором звучало нескрываемое неодобрение. — Неплохо, господин Теппик, неплохо.

— Чудесная ночь, сэр, — сказал Теппик.

Экзаменатор холодно взглянул на него, давая понять, что следующее замечание насчет погоды неминуемо обойдется в минус балл, и что-то отметил на доске.

— Для начала — несколько вопросов.

— Как вам угодно, сэр.

— Чему равна максимальная длина метательного ножа? — проскрипел Мерисет.

Теппик закрыл глаза. Всю последнюю неделю он читал исключительно «Основы ножеметания» и теперь испытывал танталовы муки: страница, смутная и недостижимая, плавала где-то рядом — преподаватели никогда не спрашивают про длину и вес ножей, со знающим видом утверждали студенты постарше, они думают, что длину, вес и траекторию ты знаешь наизусть, а потому никогда...

Панический ужас раскалил мозговые извилины и заставил шестеренки памяти крутиться с бешеной скоростью. Наконец страница попала в фокус.

— Максимальная длина метательного ножа может равняться десяти пальцам при нормальной и двенадцати при повышенной влажности, — без запинки отчеканил он. — Расстояние, на которое производится метание...

— Назовите три яда, которые применяются путем внутриушного вливания.

Подул ветерок, но прохладнее не стало, жар всколыхнулся и вновь неподвижно застыл.

— М-м... Осиный воск, сэр, ахорийский пурпур и мастика, сэр, — отбарабанил Теппик.

— А как же спайм? — прошипел Мерисет, словно змея, готовая к броску.

Теппик застыл, раскрыв рот. Несколько мгновений он лихорадочно пытался вспомнить ответ, одновременно стараясь избежать буравящего взгляда учителя.

— Н-но... спайм — это не яд, сэр, — наконец выдал он. — Это крайне редкое противоядие против яда некоторых змей, которое добывается... — Он перевел дыхание и продолжил несколько более уверенно (не зря же он корпел все эти дни над старыми словарями): — ...Которое добывается из печени мангусты, обитающей...

— Что означает этот знак? — перебил Мерисет.

— ...Обитающей... — растягивая слоги, повторил Теппик.

Он мельком взглянул на замысловатую руну, которая изображалась на карточке в руке Мерисета,

затем вновь устремил взгляд вперед, за спину экзаменатора.

— Не имею ни малейшего представления, сэр, — сказал он, краешком уха уловив чуть слышное довольное ворчание. — Однако, сэр, если ее перевернуть, — продолжал он, — то получится воровской знак, предупреждающий о том, что в доме злая собака.

На миг воцарилась абсолютная тишина. Затем, где-то в районе его плеча, вновь раздался голос старого убийцы:

— Каким категориям разрешено пользоваться удавкой?

— Но, сэр, по правилам положено только три вопроса, — запротестовал Теппик.

— Это можно считать вашим ответом?

— Нет, нет, сэр. Просто так, мысли вслух. Сэр, ответ, которого вы ждете, таков: носить при себе удавку могут все, но только убийцам третьего разряда позволено использовать ее как одно из трех возможных решений.

— Вы уверены?

— Да, сэр.

— Подумайте хорошенько, — голос экзаменатора стал таким масляным, что, казалось, им можно смазать целый железнодорожный состав.

— Мой ответ правильный, сэр.

— Что ж, прекрасно...

Теппик облегченно вздохнул. Холодная, мокрая рубашка неприятно липла к спине.

— Теперь отправляйтесь на Счетоводную улицу, — произнес Мерисет ровным голосом, — следуя

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

всем знакам и прочему. Я буду ждать вас в комнате под башней на перекрестке с Аудиторской аллеей. И еще... соблаговолите взять вот это.

Он протянул Теппику небольшой конверт.

Теппик, в свою очередь, вручил ему расписку. Отступив в густую тень, которую отбрасывала дымовая труба, Мерисет бесследно растворился.

Итак, церемония завершилась.

Теппик несколько раз глубоко вздохнул и извлек содержимое конверта. Вексель Гильдии на десять тысяч анк-морпоркских долларов, выписанный на предъявителя. Внушительного вида бумага, украшенная печатью Гильдии — двойным крестом и кинжалом на фоне плаща.

Теперь пути назад нет. Он взял деньги. Либо он останется в живых и позднее, как предписывает традиция, передаст их в дар благотворительному фонду Гильдии, оказывающему покровительство вдовам и сиротам, либо их обнаружат на его бездыханном теле. Чек выглядел несколько потрепанным, однако следов крови на нем Теппик не разглядел.

Проверив ножи и поправив перевязь рапиры, он оглянулся по сторонам и неторопливым прогулочным шагом двинулся в указанном направлении.

Студенческая молва гласила, что во время экзамена используются не более полудюжины маршрутов, и в летние ночи то тут, то там можно было видеть студентов, карабкающихся по скатам крыш, карнизам и городским башням. Домолазание по праву считалось крайне профессиональным и рискованным видом спорта, однако это была одна из немногих дисциплин, в которых Теппик чувствовал себя впол-

не уверенно — он был капитаном команды, одержавшей верх над «Скорпионами» в финале Настенных игр. А уж этот маршрут был едва ли не самым простым. Хоть здесь чутьочку повезло.

Одним легким прыжком Теппик перелетел на самый край крыши, пробежал над спящим зданием, перепрыгнув узкий пролет, приземлился на черепичной крыше спортивного зала, принадлежащего Молодежной Ассоциации Реформистов — Поклонников Иخور-Бел-Шамгарота, мягко съехал по серому скату, не сбиваясь с темпа, вскарабкался по двенадцатифутовой стене и перемахнул на широкую, плоскую крышу Храма Слепого Ио.

Взошла полная, оранжевая, как апельсин, луна. Наверху дул ветерок, легкий, но освежающий после уличного пекла не хуже холодного душа. Теппик ускорил шаг, наслаждаясь веющей в лицо прохладой, и спрыгнул с крыши точнехонько на узкий дощатый мост, ведущий через аллею Латунных Шлемов.

На мост, который некто, вопреки всякой вероятности, умудрился разобрать.

В такие минуты вся жизнь успеваешь промелькнуть перед глазами...

Тетушка рыдала — несколько театрально, как отметил про себя Теппик, — поскольку в целом старая леди была не чувствительнее гиппопотама. Отец держался с суровым достоинством, хотя перед его внутренним взором продолжали стоять влекущие образы скал и бьющейся в клюве рыбы. Слуги выстроились двумя шеренгами по всей длине зала до самой

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

главной лестницы: служанки по одну сторону, евнухи и дворецкие — по другую. Когда он проходил мимо, женщины приседали в реверансе, образуя плавную синусоиду, красоту которой мог по достоинству оценить только величайший математик Плоского мира, если бы в данный момент его не лупил розгами маленький человечек, одетый в нечто наподобие ночной рубахи.

— Однако, — тетушка громко высморкалась, — это какое-никакое, а все же ремесло.

Отец ласково погладил ее руку.

— Не плачь, цвет пустыни, — сказал он, — это не самая плохая профессия.

— Ну да... — всхлипнула сестра.

Старик тяжело вздохнул:

— Деньги приличные... Кроме того, мальчику будет полезно повидать мир, получше узнать людей — пусть пооботрется, ну и, наконец, он постоянно будет при деле, а это убережет его от ненужных ошибок.

— Но... убийство... ведь он еще так молод, и у него никогда не было ни малейшей склонности...

Она снова поднесла платок к глазам.

— Это не по нашей линии, — добавила она осуждающе. — Все твой шурин...

— А, дядя Вирт...

— Подумать только — разъезжать по миру и убивать людей!

— Полагаю, это слово в их среде не употребляется, — сказал отец. — Скорей всего, используются другие, скажем, «прикончить» или «ликвидировать».

Или «предать земле», «устроить погребение», кажется, так.

— Предать земле?

— Именно. Или сначала воде. А уж затем — земле.

— Ужасно! — неодобрительно фыркнула тетушка. — Впрочем, я слышала от леди Нуни, что только один мальчик из пятнадцати выдерживает выпускной экзамен. Может, лучше, чтобы его отчислили?

Царь Теппицимон XXVII мрачно кивнул и отправился самолично попрощаться с сыном. Он не разделял мнение сестры о том, что убийство — такое уж неприятное занятие. На протяжении долгих лет он с большой неохотой занимался политикой и всегда считал, что, возможно, убийство в чем-то хуже парламентских дебатов, но наверняка лучше войны. Хотя некоторые склонны были думать, что это одно и то же с той лишь разницей, что война — несколько более шумное дело. Кроме того, он прекрасно помнил, что в молодости у Вирта всегда было полно денег и он никогда не возвращался во дворец без дорогих подарков, экзотического загара и волнующих рассказов об интересных людях, с которыми ему удалось свести на чужбине пусть мимолетное, но столь захватывающее знакомство...

Да, жаль, что Вирта нет рядом, — он мог бы дать полезный совет... Его величеству тоже приходилось слышать, что только один студент из пятнадцати действительно становится убийцей. Что происходит с остальными четырнадцатью кандидатами, царь не знал, но был совершенно уверен, что если в школу для убийц попадает студент из бедной семьи, то ему достаются не только безвредные мелки в спину, и

школьные ужины для такого паренька обретают еще одно измерение — измерение неуверенности в том, что ты поглощаешь.

Однако все без исключения признавали, что школа убийц дает лучшее, самое разностороннее образование в мире. Высококвалифицированный убийца чувствует себя как дома в любой компании и умеет играть по крайней мере на одном музыкальном инструменте. Всякий погребенный кем-либо из воспитанников Гильдии мог вкушать вечный покой в полной уверенности, что пал от руки приличного человека с хорошим вкусом.

Да и в конце концов — что ожидает мальчика, останься он дома? Царство шириной в две и длиной в полтораста миль, почти полностью уходящее под воду в период дождей, — царство, которому отовсюду грозят более сильные соседи, терпящие его существование лишь постольку, поскольку постоянно воюют с кем-нибудь, включая того же Теппицимона...

О, куда ушли те времена, когда Джелибейби* действительно было велико, когда выскочки вроде Цорта и Эфеба были всего-навсего презренной кучкой кочевников, обмотавших себе голову полотенцами! Все, что осталось от тех великих незабвенных дней, — дворец, содержание которого в конце концов его разорит, несколько занесенных песком руин в пустыне и — тут фараон глубоко вздохнул — пирамиды. Вечно эти пирамиды.

Предки истово им поклонялись. Фараон, увы, нет. Пирамиды привели страну к банкротству, иссушили,

* Дословно: «Дитя Джеля».

как реку. И потомки могли с полным правом и от всего сердца послать эти пирамиды подальше.

В приятное расположение духа Теппицимона приводили только маленькие пирамидки, воздвигавшиеся в дальнем конце сада всякий раз после кончины очередной кошки.

Он обещал это жене.

И вообще — фараон тосковал по Артеле. Весть о том, что он собирается взять жену не из местных, вызвала страшный шум, и действительно, чужеземные привычки Артелы иногда приводили в недоумение и забавляли даже его самого. Быть может, именно из-за нее он проникся этой странной нелюбовью к пирамидам — хотя в Джелибейби это было все равно что невзлюбить самый воздух, которым ты дышишь. Но он дал слово, что Теппик будет воспитываться за границей. Артела на этом особенно настаивала. «Здесь человек никогда ничему не научится, — любила повторять она. — Здесь умеют только чтить память».

Ах, ну почему она позабыла его наказ — никогда не купаться в реке!..

Царь взглянул на двух слуг, грузивших сундук с вещами Теппика на повозку, и первый раз за всю свою жизнь по-отечески положил руку на плечо сына.

На самом деле он абсолютно не знал, что сказать. «Мы так и не успели получше узнать друг друга, — подумал он. — А ведь я столько мог его научить. Пожалуй, пара хороших пороков была бы не лишней».

— М-м, — начал он. — Итак, мой мальчик...

— Да, папа, — откликнулся Теппик.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

— Это, ну, сегодня ты первый раз самостоятельно едешь куда-то...

— Нет, папа. Прошное лето я провел вместе с господином Фемптахеном. Помнишь?

— Разве?

Фараону припомнилось, что во дворце и вправду на какое-то время стало тише. Надо приказать выткать этот сюжет на новых коврах.

— Все равно, — сказал он, — ты уже почти юноша, тебе скоро тринадцать и...

— Двенадцать, — терпеливо поправил Теппик.

— Ты уверен?

— Месяц назад отмечали мой день рождения, папа. Ты еще подарил мне сковородку.

— Правда? Как странно. И что я при этом сказал?

— Ничего, папа, — ответил Теппик, глядя на добродушное, озадаченное лицо отца. — Сковородка была просто замечательная. Она мне страшно понравилась, — заверил он.

— Ах так. Ну что ж, хорошо...

Его величество вновь коснулся сыновнего плеча, задумчиво, как человек, барабанящий пальцами по столу в надежде поймать ускользающую мысль. Наконец его как будто осенило.

Слуги привязали сундук, возница терпеливо держал распахнутую дверцу.

— Когда молодой человек отправляется в мир, — начал его величество довольно неуверенным тоном, — крайне важно, чтобы он не забывал... Дело в том, что мир велик, и в нем множество... И уж конечно, в большом городе, где помимо прочего...

Он умолк, сделав рукой неопределенный жест.

Теппик ласково поглядел на отца.

— Хорошо, хорошо, папа, — сказал он. — Верховный жрец Диос объяснил мне, что главное — не забывать регулярно принимать ванну и смотреть, куда идешь.

Теппицимон, прищурившись, посмотрел на сына:

— Надеюсь, у тебя со зрением все в порядке?

— В полном порядке, папа.

— Что же, прекрасно, — сказал царь. — Прекрасно, прекрасно. Искренне рад.

— Наверное, мне пора ехать, папа. Иначе я пропущу прилив.

Его величество кивнул и порывлся в карманах.

— Тут у меня было кое-что, — пробормотал он, вывернул карман наизнанку, и в ладони у Теппика оказался маленький кожаный мешочек.

Теппик опустил подарок в карман. Его величество уже привычным жестом потрепал сына по плечу.

— Это тебе на дорогу. — Он понизил голос: — Только тетушке не говори. Впрочем, она уже отправилась отдыхать. Переживания подточили ее силы.

Теперь Теппику оставалось только принести в жертву цыпленка у подножия статуи Куфта, основателя Джелибейби, дабы мудрая рука предка направляла его стопы в этом мире. И хотя это был всего лишь маленький, тощий цыпленок, когда Куфт вполне насытился им, цыпленка подали царю к обеду.

На самом деле Джелибейби было небольшим царством, целиком погруженным в свои интересы. Даже обрушивавшиеся на него бедствия были какими-то ненастоящими. Любое мало-мальски уважающее се-

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

бя речное королевство постоянно страдает от страшных, сверхъестественных бедствий, тогда как Древнее Царство Джелибейби за последнюю сотню лет удостоилось лишь Нашествия Жабы*.

Тем же вечером, когда корабль был уже далеко от дельты Джели и держал курс через Круглое море на Анк-Морпорк, Теппик вспомнил о мешочке и решил исследовать его содержимое. С чисто отеческой любовью, но не чураясь при этом практических соображений, его величество благословил сына в долгий путь винной пробкой, жестянкой с супом из седла барашка, бронзовой монеткой неопределенного достоинства и банкой сардин, которые годились Теппику в дедушки.

Хорошо известно, что, когда человек лицом к лицу сталкивается со смертью, чувства его моментально обостряются до чрезвычайности. Всегда считалось, что это помогает человеку найти нетривиальный выход из затруднительной ситуации.

Это не так. Данное явление — классический пример эмоционального замещения. Чувства сосредотачиваются на чем угодно, кроме самой проблемы (в случае Теппика проблема представляла собой широкое, вымощенное булыжником пространство, протянувшееся примерно восемьдесятю футами ниже), в надежде, что трудности разрешатся сами собой.

* Хотя жаба действительно была большая. Прячась в воздуховодах, она целую неделю не давала людям спать.

Беда в том, что порой они разрешаются не лучшим для вас образом.

Как бы там ни было, Теппик вдруг со страшной отчетливостью и остротой ощутил окружающий мир. Лунный свет, сияющий на коньках крыш... Запах горячего хлеба, доносящийся из расположенной неподалеку пекарни... Жук, с мягким гудением пронесшийся куда-то вверх... Далекий детский плач и лай собаки. Нежно скользящий, почти неосозаемый воздух и абсолютное отсутствие какой-либо опоры под ногами...

В тот год поступающих в Гильдию набралось больше семидесяти. Будущим убийцам предстоял сравнительно легкий вступительный экзамен; поступить в школу несложно, несложно и закончить ее (весь фокус заключается в том, чтобы не выйти из нее ногами вперед). Мальчишек, заполнивших двор Гильдии, роднили между собой по крайней мере две общие черты: у каждого был большой, намного больше его самого, сундук и на каждом неуклюже сидел большой, намного больше его самого, приобретенный на вырост костюм. Некоторые горячие головы даже прихватили с собой оружие, которое, впрочем, было конфисковано и отправлено домой в течение ближайших недель.

Теппик внимательно разглядывал толпу. Бесспорно, он обладал явным преимуществом — единственный ребенок родителей, слишком занятых собственными делами, чтобы чересчур опекать его или хотя бы время от времени вспоминать о его существовании.

Мать Теппика была приятной в обращении дамой, сосредоточенной на себе, как гироскоп. А еще она любила кошек. Не только поклонялась им, как и всякий житель царства, но искренне любила их. Теппик знал, что в речных царствах с симпатией относятся к кошкам, но, согласно его понятиям, животные эти должны напоминать скорее грациозные статуэтки, тогда как кошки матери были маленькими, брызжущими слюной, плоскомордыми желтоглазыми фуриями.

Отец Теппика уделял много времени государственным заботам и периодически объявлял себя чайкой. Возможно, это происходило по причине общей рассеянности монарха. Теппик не раз ломал голову над тем, как родители вообще умудрились его зачать, ведь они буквально никогда не совпадали по фазе — в смысле взаимоотношений, не говоря уж о настроении.

Однако что было, то было — таковое явно имело место. Ну а после рождения Теппику предоставили воспитываться самому методом проб и ошибок, с помощью ненавязчивых увещеваний и периодических подбадриваний сменявших друг друга наставников. Отец нанимал ему лучших учителей, и однажды — славное то было время — целую зиму в наставниках у Теппика пробыл преклонных лет браконьер, охотник на ибисов, который на самом деле забрел в царский сад в поисках случайно залетевшей туда стрелы.

Теппику вспомнились шумные охоты в сопровождении гвардии, прогулки при лунном свете по мертвым аллеям некрополя, но лучше всего были поездки на шаланде-пиле — хитроумном, устрашающего

вида сооружении, способном, не без риска для рулевых, превратить кишашую невинными утками заводь в море плавающего паштета.

Наведывался он и в библиотеку, к запертым полкам — браконьер обладал еще несколькими навыками, обеспечивавшими ему неплохой заработок в ненастную погоду, — и часами предавался безмятежному чтению. В особенности Теппику нравилось сочинение, озаглавленное «Сквозь дворцовые ставни», — раритетное издание, перевод с халийского г-на Х., с раскрашенными от руки иллюстрациями для особых любителей. Это было местами смущавшее Теппика, но крайне назидательное чтение, так что, когда томный юный наставник, присланный жрецами, предложил принцу познакомиться с некоторыми «борцовскими» приемами, пользовавшимися особой любовью у классических псевдополитанцев, Теппик, подумав над предложением, хорошенько огрел пыльного юношу шляпной вешалкой.

Образованием Теппика никто специально не занимался. Оно снизошло на него само собой, подобно тому как образуется перхоть.

В мире, окружающем мир его мыслей, пошел дождь. Еще одно новое впечатление. Теппик, разумеется, слышал о дожде, о том, как вода падает с неба маленькими капельками. Он просто не ожидал, что воды будет так много. В Джелибейби никогда не шел дождь.

Учителя сновали в толпе мальчиков, похожие на вымокших, слегка потрепанных дроздов, но Теппик смотрел не на них — его взгляд замороженно следил за группой старших студентов, которые, приняв не-

брежные позы, стояли возле украшенного колоннами входа в школу. Они, как и учителя, были с ног до головы в традиционных цветах — их платья переливались всеми восемью оттенками черного.

То были цвета с примесью серого, цвета, лежащие по ту сторону черноты, цвета, которые можно получить, если расщепить беспримесный черный в восьмигранной призме. Людям, лишенным чувства волшебного, описать эти цвета практически невозможно, но если уж и попытаться, то сначала нужно предложить слушателю покурить чего-нибудь запретного или взглянуть на крыло вороны.

Критическим оком старшеклассники разглядывали новоприбывших.

Теппик следил за ними не отрывая глаз. Костюмы их были скроены по последней моде, которая отдавала предпочтение приталенным камзолам с накладными плечами и остроносым башмакам. В целом, модники слегка смахивали на длинные разодетые гвозди.

«Я стану таким же, как они», — подумал Теппик.

И добавил: «Разве что оденусь получше».

Ему припомнился дядюшка Вирт, сидящий на ступенях дворца и задумчиво оглядывающий Джель. «О сатине и коже забудь, — говорил он. — И о всяких дорогих побрякушках тоже. На тебе не должно быть ничего яркого, ничего, что могло бы скрипнуть или звякнуть. Лучше всего плотный шелк или бархат. В конечном счете неважно, в скольких погребениях ты будешь участвовать. Важно, чтобы никто из потенциальных погребенных не поучаствовал в твоём».

СОДЕРЖАНИЕ

Книга I. КНИГА ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД	5
Книга II. КНИГА МЕРТВЫХ	101
Книга III. КНИГА НОВОГО СОЛНЦА	235
Книга IV. КНИГА О 101 ПРОДЕЛКЕ, НА КОТОРУЮ СПОСОБЕН МАЛЬЧИШКА	333